

Историческая память в польско-российских отношениях

Stanisław Bieleń

Uniwersytet Warszawski

„Polityka historyczna” weszła do instrumentarium polityczno-ideologicznego w Polsce, została przejęta przez media masowe i środowiska naukowe. Jej zwolennicy pozostają pod silnym wpływem historii nostalgicznej, która nawiązuje do narracji insurekcyjnej i romantycznej. Koegzystują ze sobą dwie na pozór sprzeczne tradycje – martyrologiczna i heroistyczna. Wykraczają one poza pamięć historyczną, dostarczając kryteriów słuszności w polityce, zwłaszcza zagranicznej. Interes narodowy jest definiowany w kategoriach egoistycznych, jako konieczność walki z historycznymi wrogami, którzy grożą polskiej niepodległości.

W odniesieniu do stosunków polsko-rosyjskich w Polsce mamy do czynienia z kilkoma rodzajami pamięci historycznej – na poziomie władzy politycznej, na poziomie medialnym, akademickim i edukacyjnym, wspólnot religijnych i opinii publicznej. Zwłaszcza na poziomie politycznym i medialnym, ale chyba i edukacyjnym dokonuje się w polskiej przestrzeni publicznej stygmatyzacja pamięci historycznej wobec Rosjan. Proces ten oznacza naznaczanie, piętnowanie, przypisywanie negatywnych etykiet, odrzucanie czy niszczenie wizerunku. Działania te mają charakter intencjonalny i metodyczny, zorganizowany i celowy, oparty na pewnej polityce, dlatego można orzec, że są prowadzone z namysłem i premedytacją.

Słowa kluczowe: pamięć historyczna, koncepcje historii, martyrologia, stosunki polsko-rosyjskie stygmatyzacja, antyrosyjskość.

Проблемы концепции истории как основы политической деятельности

В текущей политической ситуации не легким представляется исследование проблем польской исторической памяти. Научная интерпретация этого явления заведомо имеет оценочный аспект, а публикации носят политический, если не сказать – партийный контекст. Многие польские интеллектуалы вообще не вуалируют свои политические симпатии или антипатии, что отрицательно влияет на их объективизм и исследовательскую достоверность. В их оценке российских реалий нередко просматривается интеллектуальное их убожество,

недостаточность знаний, отсутствие моральных принципов и существенного ранжирования, нехватка доброжелательности. Прежде всего, бросается в глаза навешивание ярлыка «апологета диктаторски-реформаторского и черносотенного, православно-славянофильского и большевистско-сталинского прошлого»¹, в то время как в России существуют различные варианты восприятия истории. Кроме того, у нее нет другой истории и Россия не подвергнет ее пересмотру по принципу полного неприятия, так как это было бы равнозначно отрицанию собственной идентичности². Такие ожидания от России свидетельствуют о наивном и нереальном мышлении или о сознательном манипулировании общественным мнением.

К сожалению, исследователи современной истории сыграли отрицательную роль в построении исторической памяти. Они не подвергли реконструкции польскую историю с научной точки зрения, приспособившись к ожиданиям власть предержащих. Историческую память подвергли идеологизации. Единичный и собирательный опыты были подчинены навязанной политиками интерпретации истории. По отношению к современной истории преобладает – что просматривается хотя бы в культе «проклятых солдат» – окраска повстанческая и романтическая, экзальтированное патетическое толкование истории, опирающееся на культ смерти, лишенной смысла.

В контексте исторической памяти был выдвинут слоган «исторической политики», представляющий собой что-то вроде «отмычки», используемой политиками и пропагандистами. Лозунг, провозглашенный в 2005 году в избирательной программе Права и Справедливости, с самого начала имел инструментальный характер. Он не соотносился с научной рефлексией над историей, а скорее проходил в русле, необходимом имиджу партии и укреплению ее политической линии. Подразумевалась ревизия истории последних декад в свою пользу, перестройка исторического сознания общества с целью завоевать признание для определенной политической программы. Таким образом, так называемая историческая политика вошла в политико-идеологический инструментарий политических партий, явилась элементом политического маркетинга, а взятая на вооружение средствами массовой информации стала вдохновением для информационных программ и инструментом пропаганды. Ей был присущ познавательный отбор, избирательный взгляд на прошлое и события, подобранные под нужды конкретной политической концепции³.

¹ A. Michnik, *Polityka historyczna, wariant rosyjski*, „Gazeta Wyborcza” от 28 сентября 2006 г.

² O. Malinowa, *Idea wspólnej przeszłości w Rosji postsowieckiej: wyobrażenia o narodzie i imperialnym dziedzictwie*, в: A. Nikžentaitis, M. Korczyński (ред.), *Dialog kultur pamięci w regionie ULB*, Музей истории Польши, Warszawa 2014, сс. 263–282.

³ См. м.др.: R. Stobiecki, *Historycy wobec polityki historycznej*, в: S.M. Nowinowski, J. Pomorski, R. Stobiecki (ред.), *Pamięć i polityka historyczna. Doświadczenia Polski i jej sąsiadów*, Instytut Pamięci Narodowej – Wydawnictwo Naukowe Ibidem, Łódź 2008, сс. 175–192.

Общепринято, что история является отправной точкой выхода на политическую арену. «Однако результативность такой деятельности, – пишет Кшиштоф Заморски, – зависит от концепции истории, лежащей у ее основ мотивов деятельности, по природе своей, направленной на будущее. Если за отправную точку принять ностальгический взгляд на прошлое, тогда определение на основе такой истории направления политической деятельности подвержено ограниченному наблюдению за ее деятельностью. Если за основу принять критическое восприятие событий, тогда наблюдение за будущей деятельностью возможных его итогов значительно увеличивается. Но дело в том, что сторонники «исторической политики» в Польше обычно остаются под давлением ностальгической истории, являющейся продуктом и представленной ею традиционной историографии»⁴. Такая концепция ностальгической истории отрицательно влияет на способ размышления о прошлом и его восприятию. Она обращается, прежде всего, к причиненным чужими когда-то боли, бедам, страданиям и жертвоприношениям, но в то же время чувствуется удовлетворение этим жертвоприношением⁵. Результативные занятия политикой с привлечением истории имеют смысл только тогда, когда так называемая историческая политика становится источником анализа возможных угроз, попыткой оценить шансы на успех конкретных решений, а не идеологией и попыткой навязать другим собственный взгляд на мир⁶.

Мартирология и героизм

Политические элиты Польши не способны использовать богатый и сложный исторический опыт в отношениях с Россией с другой целью, как только с замыслом конфронтации. Политика, которую неверно и излишне именуют исторической⁷, подвергается демонизации, она основывается на эмоциональной оценке, что почти ничего общего не имеет с искусством рационального достижения целей. Ее характеризует соперничество, искусство борьбы, разделение всех на врагов и друзей, продвижение одностороннего восприятия Польши как обиженной жертвы тоталитаризмов XX века. Польские политики избегают других версий политической деятельности, таких как: приспособление, компромисс или кооперация. Они не в состоянии перестроить польское политическое сознание на вызовы прошлого, не способны провести добросовестный и отважный пересмотр

⁴ K. Zamorski, *Nostalgia i wzniosłość a refleksja krytyczna o dziejach. Kiedy „polityka historyczna” ma sens?* в: *ibidem*, сс. 53–54.

⁵ „...ностальгия не в состоянии посмотреть в будущее. Борется с будущим временем и создает видимость возвращения. *Ibidem*, с. 59.

⁶ *Ibidem*, с. 54.

⁷ История – это наука критическая, а не политика. „Историческая политика противоречит сама себе, это простой понятийный нонсенс”. *Demagogiczne chwytły Kaczyńskich. Rozmowa z Prof. Barbarą Skargą*, „Przeгляд” от 4 июня 2006 г.

возможностей, представляющихся относительно скромными, если иметь в виду активность Польши на международной арене.

В этом контексте ошибаются те исследователи польской и российской исторической памяти, которые обвиняют польских вершителей судеб в сильной привязанности к либеральной традиции, а российских – в заикленности на реальной традиции⁸. Стоит отметить, что Польша действительно в течение многих лет опиралась на международные институты, защищая нормативный и институциональный порядок, основывающийся на западных ценностях. Сутью этих ценностей является искусство строительства соглашений, основанное на желании учитывать другие точки зрения различной сложности, то есть на достижении компромисса.

Компромисс рассматривается как принцип совместного стремления к достижению истины, что равнозначно тому, что ни один партнер не заставляет другого безоговорочно подчиниться своим взглядам и убеждениям. Наоборот, он предоставляет другой стороне независимость в выдвижении своих тезисов. Суть отношений состоит в «постижении» точки зрения другой стороны, так чтобы в случае благожелательности признать за ней хоть немного правоты. Партнеры готовы к диалогу, тем самым готовы истину второго партнера признать частью своей истины. Способность к компромиссу очень часто обусловлена соотношением сил между сторонами. Государства занимают неуступчивую позицию по многим вопросам, что может являться результатом чувства превосходства и пренебрежения оппонентом и непонимания его детерминации. К примеру, в России господствует убеждение, что компромиссная и соглашательская позиции менее действенны и менее выгодны, чем бескомпромиссная позиция. Волеизъявление и великодушные могут быть восприняты другой стороной как проявление слабости, податливости или хитрости. Более слабая Польша по сравнению с Россией имеет ограниченное поле маневра, что вызывает рост детерминизма в пользу защиты своей точки зрения. Кроме того, вместо обращения к практическим целям (что характерно для купеческого этоса), поляки обращаются к гордости и чести (к рыцарскому этосу). Отсюда компромиссная позиция воспринимается как «нерыцарская» и «нечестная». В случае когда компромисс можно воспринять как эффект чрезмерной уступки, с прагматической точки зрения он всегда является решением лучшим, чем поражение, будь оно самое «рыцарское» и «честное»⁹.

Польша никак не может примириться с существующей асимметричной зависимостью (а даже взаимозависимостью от России, особенно в отрасли энергетики) и, как более слабый субъект отношений, воспринимает эту асимметрию не как вызов, а как смертельную угрозу. Поэтому призывает своих западных союзников

⁸ A. Dudek, *Poland and Russia at the Turn of XXI Century. Between a Liberal Illusion and Imperial Realism*, "Revista UNISCI/UNISCI Journal" 2016, № 40, сс. 77–99.

⁹ S. Bieleń, *Negocjacje w stosunkach międzynarodowych*, Oficyna Wydawnicza ASPRA-JR, Warszawa 2013, сс. 190–191.

к «войне с Россией». Где здесь место компромиссной позиции согласно либеральной традиции?

По мнению Бронислава Лаговского, в Польше великолепно уживаются друг с другом противоречивые иллюзорные традиции – мартирологии и героизма. Они выходят за рамки исторической памяти, обосновывая критерий корректности в политике, особенно внешней. «Национальная мартирология порождает извечную обиду на соседей, в свое время использовавших превосходство для подчинения Польши. Они якобы только ждут подходящего случая, чтобы опять подчинить себе соседа. В свою очередь, геройская мифология повелевает государству продемонстрировать прежде всего «отвагу» по отношению к другим странам, заставляет выдвигать требования «солидарности», то есть обслуживания польских интересов, наконец – требовать, чтобы они подчинились польскому взгляду на историю¹⁰. Этот же автор в другом месте еще более преувеличенно представил суть геройской концепции страны, когда пишет: «обращается она к добродетели отваги, но эта отвага оторвана от действительности. Национальные поражения идеализированы из-за храбрости, проявленной погибшими; нужно иметь отвагу совершить посадку в тумане, нужно поощрять союзников к воинственной политике, зная, что собственная страна стала бы первой жертвой обмена ракетными ударами. Необходимо выискивать поводы к враждебности по отношению к другим народам, возводить в ритуал причиненные ими страдания для сохранения в памяти на века и воскресения чувства мести, необходимых для поддержания боеготовности»¹¹. Спор идет не о фактах или исторической правде (это тривиальное утверждение). Речь скорее идет о различных взглядах, представлениях, какие чаще носят характер только зрительный и слуховой, чем рефлексивно-интеллектуальный¹². Отношение к исторической памяти является результатом «травм и виктимизации периода неволи, с господствующей ролью Церкви, облагораживающей страдания, а также низкого уровня реального просвещения»¹³.

Деформации в понимании национального интереса

Над сегодняшней Европой больше господствует память, чем история. Память является проблемой индивидуальных регистров прошлого, у каждого своя и трудно по ее поводу спорить или переубеждать друг друга. На тему истории можно дискутировать, спорить из-за ее версии, а память остается единичной,

¹⁰ B. Łagowski, *Patriotyzm albo o potęgę starych nawyków*, „Europa. Magazyn Idei Dziennika” № 274 (27/2009), от 4–5 июля 2009 года.

¹¹ Idem, *Główny nurt nas podtapia*, „Przegląd” от 20–26.06.2016 г.

¹² См. B. Anderson, *Wspólnoty wyobrażone*, Znak, Kraków 1997, с. 34.

¹³ *Rzeźnik na horyzoncie. Rozmowa z Joanną Tokarską-Bakir*, „Gazeta Wyborcza” от 16–17 апреля 2016 г.

неповторимой. «Объединенная Европа не требует общего объяснения истории, так как такое невозможно – но ее понимания»¹⁴. Кроме всего прочего, Запад живет будущем, поддается космополитизации¹⁵, в то время как Восточная Европа остается погруженной в прошлое. На этом фоне мир польской политики обращается к традиции, насыщенной элементами ксенофобии¹⁶. Национальный интерес определяется в категориях эгоизма как необходимость борьбы с историческими врагами, поджидающими в засаде польскую независимость и суверенитет. Только патриотические политические элиты (определение патриотизма зависит от них самих) осознают суть национального интереса. Все сомневающиеся или критикующие их за попытки узурпаторства достойны презрения или анафемы. Это является обращением к традиции, наказывающей воспитывать в нации коллективное сознание, строительство исключительной лояльности к собственному национальному государству, а скорее к его властям. Как следствие такого подхода для подавления всяческой критики появляются различные цензорские потуги, отвечающие корректному пониманию национального интереса.

В Польше имеем дело со множеством собирательной памяти, а так называемая историческая политика государства в форме наступления имеет задачей ее делегитимировать и унифицировать. Образование единой, общей «для всего народа» исторической памяти по объективным причинам не представляется возможным, так как различными представляются судьбы и исторический опыт поляков, разная степень знания истории и исторического толкования. Если бы применить модный сегодня в социологии анализ дискурсов, окажется, что в польско-российских отношениях в Польше живут несколько видов исторической памяти: на уровне программ и политических решений партии и органов государственной власти, на уровне СМИ, на академическом и образовательном, а также на уровне религиозных сообществ. Наконец, имеем память обывательскую.

В польском политическом публичном пространстве особенно на политическом и СМИ уровнях, а также на образовательном совершается стигматизация исторической памяти по отношению к русским. Процесс этот подразумевает определение, порицание, навешивание отрицательных ярлыков, неприятие или разрушение образа. Действия эти носят целенаправленный и последовательный характер, основанный на определенной политике, поэтому можно сказать, что ведутся они с замыслом и упорством¹⁷. Однако невозможно указать на один

¹⁴ T. Snyder, *Zakładnicy pamięci*, „Gazeta Wyborcza” от 28–29 марта 2009 года.

¹⁵ U. Beck, E. Grande, *Europa kosmopolityczna. Społeczeństwo i polityka w czasach drugiej nowoczesności*, Wydawnictwo Naukowe Scholar, Warszawa 2009.

¹⁶ Каждая форма ксенофобии, вытекающая из иррационального страха перед демонизированным врагом является чумой, от которой легко могут заразиться другие. A. Styrzcula, *Ksenofobia jak dżuma*, <http://gazetabaltycka.pl/komentarze/antoni-styrzcula-ksenofobia-jak-dzuma> (12.06. 2016).

¹⁷ Лех Нияковски определяет политику памяти как „целенаправленные всяческие действия политиков и чиновников, имеющие легитимность, целью которых является закрепление, отторжение

институт, координирующий эту политику¹⁸. Многие действия носят реактивный и спонтанный характер. Типичным является клевета на русских, перенос стереотипов времен советов на современную Россию. Стигматизация России как врага является производной от излишней впечатлительности на фоне российской мощи, ее имперских намерений и экспансии. В настоящее время страх перед Россией является важным орудием эскалации напряжения, а также обесценивания ее державной роли.

Стигматизация равносильна закреплению в совместном сознании и памяти самого плохого по отношению к русским. В этом процессе нет места для прощения, амнезии. По отношению к россиянам – государства и его политики – продолжается напоминание о бесславных событиях из истории взаимных отношений с одно-временным умалчиваем нелицеприятных эпизодов, демонизация роли виновника в прошлом и в настоящее время, создание климата «извечной» вражды. В этом отношении особую роль играет пропаганда, направленная на напоминание об историческом враге, не перестающем угрожать и вредить Польше.

Отрицательный взгляд на современную Россию отягощен антироссийским дискурсом, сформировавшимся еще во времена романтизма, в период оккупации и повстанческих порывов поляков. Этот повстанческий изъясн на польской исторической памяти предопределяет «культивирование мегаломанского героического взгляда на события», связанные с Россией как «наследницей всяческого зла» и виновницей всяческих страданий, какие поляки испытали со времен царизма.

Пренебрежение и высмеивание – это типичные элементы риторики, применяемой поляками к русским. С этим связано чувство превосходства над российской культурой и цивилизацией. Стоит отметить, что часто те, кто принижает ценность наследия цивилизации России, обладают смутным пониманием богатства исторического наследия великого российского народа, а также народов, образующих огромный постимперский конгломерат.

Антироссийские настроения объединяются с антисоветизмом, что, в свою очередь, связано с делегализацией ПНР¹⁹ как сателлита, «находившегося под

или переопределение конкретного содержимого общественной памяти”. L.M. Nijakowski, *Polska polityka pamięci. Esej socjologiczny*, Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, Warszawa 2008, с. 44.

¹⁸ Любая политика предполагает существование определенной стратегии, плана игры, принимающего в расчет возможности достичь поставленные во времени цели. Условием является какой-нибудь властный центр, координирующий все намерения в одной спаянной программе действий, переводит их на решения и заботится о их внедрении. Институт национальной памяти не является органом, ответственным за ведение «исторической политики» польского государства, хотя иногда претендует на эту роль. Таких полномочий нет у правительственных органов – Министерства иностранных дел или Министерства культуры. Польские институты за рубежом также являются инструментом пропаганды польской точки зрения, но это не играет существенной роли в имидже страны за границей.

¹⁹ Польские дебаты на тему Народной Польши очень часто озадачивают своим анахронизмом, провинциальной озлобленностью и желанием лишиться части истории. При этом часто упускаются из виду геополитические обусловленности. Польша была частью «внешней» советской империи,

советской оккупацией»²⁰. Звёнзек Радзецки (*Związek Radziecki*), а скорее Звёнзек Советски (*Związek Sowiecki*) (несмотря на то что в юридических международных документах такое название не применялось) были одинаково преступниками (а даже может бóльшими), как гитлеровская Германия. Знак равенства между коммунизмом и нацизмом, с одной стороны, является результатом познавательной слепоты и интеллектуальной лени, а с другой – сознательной идеологизации. Несомненно, что оба тоталитаризма отметились преступным характером, но, как заметил Владислав Маркевич, руководствовались они противоположными этико-интеллектуальными аргументами и практично-политическими мотивами до такой степени, что уходили за крайне противоположные. «Такое убеждение в непреодолимости вражды проявляли прежде всего руководители и сторонники каждого из этих двух движений»²¹.

II мировая война в повседневном восприятии являлась столкновением двух тоталитарных систем, обе из которых были антипольскими. Как символом гитлеровских преступлений стал Аушвиц, так символом советских преступлений стал Катынь²². Но поскольку все-таки для гитлеровского нацизма целью было физическое истребление вражеских масс, инициированный геноцид европейских евреев и ромов, а также планы по уничтожению славян, прежде всего поляков и русских, в то время как сталинский режим был нацелен на ликвидацию внутреннего врага. Поэтому самыми многочисленными его жертвами были граждане СССР, в первую очередь соратники Сталина из общей большевистской когорты²³. Идеологическое представление истории обходит стороной тот факт, что если бы III Рейх не был повержен, гитлеровская Германия продолжала бы уничтожение польского общества. Фокусировка внимания историков и политиков в девяностые годы прошлого века на советских репрессиях оттеснила в сторону гитлеровские преступления, как будто менее достойных памяти, а во всяком случае не затрагивающих в такой же степени совести и воображения, как преступления

и что бы это ни значило в глазах политических невежд, являлась сателлитом Москвы. Все на Востоке и Западе понимали, что послевоенная западная граница Польши, проложенная по воле Сталина, поддерживалась благодаря гарантиям Москвы. После упадка СССР польское правительство забыло о них, радуясь как историческому поражению Германии, так и распаду советского государства. Предъявление обоим соседям Польши исторических притязаний не благоприятствует геополитической стабильности. Европейский Союз не возложил на себя никаких обязательств по геополитике, а как известно, она является функцией изменчивого расклада сил. Если Россия станет действительным партнером западных держав, тогда интересы Польши очередной раз будут возложены на жертвенный алтарь великодержавных отношений. Кто сомневается в том, что история не любит повторяться, является наивным идеалистом.

²⁰ В зависимости от позиции перед ПНР манипуляциям подвергаются оценки. „антикоммунистическая позиция влияет на демонизацию этого периода, позиция коммунистическая – на идеализацию”. L.M. Nijakowski, *op.cit.*, с. 205.

²¹ *Dwa okresy PRL. Rozmowa z prof. Władysławem Markiewiczem*, „Przegląd” от 14 марта 2010 г.

²² L.M. Nijakowski, *op.cit.*, с. 210.

²³ *Dwa okresy PRL...*, *op.cit.*

советов²⁴. Как писал Павел Махцевич, такой подход не учитывает факты, только идеи и интерпретации. Под их влиянием исчезла разница между истребительской политикой III Рейха, угрожающей биологическому существованию народа, и советским коммунистическим террором, охватившим сотни тысяч людей, но после завершения войны не представляющим уже угрозы истребления польского общества, а даже его элит²⁵.

Синдром группового мышления

В ментальном отношении в большинстве своем поляки остаются пленниками архаичных, стереотипных, часто сюрреалистических и крайне упрощенных представлений о России. Удивительно, что никто в Польше не желает повернуть эти отрицательные и вредные для международного имиджа Польши тенденции. Немногое предпринимается для ликвидации этих опасений, навязчивых идей, осложняющих взгляд на Россию как на нормальное государство, имеющее право определять собственные интересы, даже если они противоречат интересам Польши.

Российская интервенция в Крыму и его инкорпорация в состав Российской Федерации стали поводом для формулировки истерических комментариев, какие среднему потребителю не помогли постичь произошедшую ситуацию. Прежде всего, как СМИ, так и политики пользуются крайне эмоциональной с отрицательной оценкой риторикой, являющейся результатом синдрома группового мышления, сосредоточенного на «агрессии Москвы», оторванного от контекста и от предыдущих событий. Такой синдром, хорошо представленный в американской литературе²⁶ (также как синдром «общего отупения»), известен со времен ракетного кризиса на Кубе в 1962 г. Это событие чуть не заставило США потянуть за движок атомного оружия. Этот же синдром вновь проявил себя в контексте интервенции России в Крыму. С трудом к общественному мнению пробивает себе дорогу рациональная аргументация, а здоровый рассудок и умеренность представляются на вес золота.

Психология доставляет нам информацию о барьерах в кризисные ситуации. Под влиянием напряжения восприятие действительности ограничено. Истина отодвигается на задний план, а интеллектом управляют эмоции. Упрощение

²⁴ Прежде всего, речь идет о том, чтобы детализировать историческую интерпретацию, придерживаясь определенной познавательной впечатлительности каждого из нынешних партнеров. Полная симметрия в подходе к Германии и России перед лицом II мировой войны представляется ошибочной и нечестной. Хотя и на штыках Красной Армии был насажден коммунизм, то все-таки армия эта явилась освободительницей от гитлеровской оккупации и геноцида. Можно, конечно, спорить на тему итогов коммунизма и фашизма, как это бывает модным в различных политических кругах и в СМИ, но пора наконец принять собственную, приемлемую для всех версию истории.

²⁵ P. Machcewicz, *Nowa wojna pamięci*, „Europa. Magazyn Idei „Newsweeka”, май 2010, № 5 (290).

²⁶ I.I. Janis, *Victims of Groupthink: A Psychological Study of Foreign Policy Decisions and Fiascoes*, Houghton Mifflin, Boston 1972.

действительности ведет к ее фальсификации. Прежде всего, наступает ускорение акции и реагирования, что равнозначно нехватке времени для анализа информации. Мир воспринимается в черно-белых категориях. Доступ к информации значительно ограничен, а дезинформация, избирательность восприятия и познавательная слепота в порядке вещей. Типичные явления – это автоглорификация (самообожание) и отсутствие критического подхода, аксиологизация конфликта (пресыщенность ценностями) и дегуманизация оппонента.

Вовлеченные в конфликт игроки по мере течения времени становятся неспособными понять положение другой стороны. Невозможно понять аргументы партнера, так как якобы он не прав. Вторая сторона в принципе обделена всяческой моралью, требует выигрыша, ничего больше, поэтому лишена человеческих чувств. Противник не партнер по переговорам, а враг, которого следует безоговорочно уничтожить. Нельзя с ним разговаривать, дискутировать, заключать соглашения, просто – нет равного партнера.

Концентрация внимания исключительно на собственном толковании ведет к «диалогу глухих». Продолжается медийная и политическая акции навешивания ярлыков, что связано с механизмом предопределения, с дискредитацией и стигматизацией, обесцениванием посредством предписания партнеру отрицательного знака. Ярлык противника равнозначен вражескому поведению, какого следует ожидать и к какому необходимо быть готовым. В этих процессах проявляется «самосбывающееся пророчество». Порождается ошибочный круг реакции и контрреакции. Враждебность, сначала как результат воображения, может переродиться в открытый конфликт. Этому сопутствуют познавательное упрощение и интеллектуальное убожество в передаче информации и ее толковании, призыв к насилию и возрастающая готовность к жертвованиям. Вовлеченная в состояние эмоций другая сторона преувеличивает собственную, чуть ли не мессианскую роль, возлагая на себя роль защитника ото зла. В связи с этим она демонстрирует готовность к жертвованию собой. Одновременно не пугает перспектива потерь, а даже наоборот, чувствуется удовлетворение тем, что ее ожидают страдания, что маячит перспектива чего-то угрожающего. Этот краткий обзор симптомов группового мышления в кризисные ситуации явно свидетельствует о том, что Польша как нельзя лучше подходит на эту роль игрока, охваченного крайними эмоциями с ущербом для реальной оценки предпосылок как предпринимаемых мер, так и их результатов.

Непрощение порождает неуступчивость, а ожесточение ведет к конфронтации и к эскалации напряжения. Польское общественное мнение, в значительной мере представленное средствами массовой информации, политически воодушевленное, не осознает, что демонстрация пренебрежения и продвижение только своей правоты приносит сиюминутную пользу. Бессмысленным представляется понимание своей ожесточенности и неуступчивости, а также отрицательное отношение к политической власти России как проявление мощи и значительной позиции

Польши в Европе. Несуразным также представляется признание готовности к переговорам и компромиссу как проявление слабости и сервилизма.

Как вырваться из «заколдованного круга» накрутки «спирали ненависти»

Перед лицом процветающей в Польше русофобии нужен новый импульс в сторону терапии памяти, освобождения ее от вредных навязчивых мыслей и страха перед Россией. Определенной попыткой парадипломатической поддержки для польско-российского примирения и шансом на нормализацию явилось образование в 2002 году Польско-российской группы по трудным проблемам и ее восстановление в 2008 году. Артем Мальгин с российской стороны главной ценностью экспертной работы российских и польских историков считает уважение и взаимопонимание в интерпретации исторических событий при одновременном сопротивлении политическим нажимам. На данный момент историкам обеих сторон не удалось переключить внимание от прошлого и сосредоточиться на будущем. Тем более, что благодаря Институту национальной памяти «историческая политика» стала защитой общей памяти, формой повседневной индокринизации, продвижением существенных идей для патриотической национальной культуры, источником расчетов и своеобразным «сведением счетов» в международных отношениях. Это, без сомнения, орудие политической манипуляции, существенной чертой которой является тенденциозный отбор исторических аргументов и фактов для аргументации текущих политических запросов»²⁷.

Для постижения России существенным является приближение другим народам образа исторического сознания русских и внедрение его в единство европейской культуры памяти. Эта задача тем сложнее, чем сильнее сопротивление официальной политики и российской историографии восприятию взаимной ответственности за несчастья XX века (начало II второй мировой войны и сталинский геноцид). Очевидно, что каждый народ, в том числе и польский, имеет собственную версию взгляда на свою историю; голоса возмущения со стороны других стран, особенно соседей, как правило, незначительно в этом вопросе меняются. Это не является спецификой отношений Польши с ее соседями. Поэтому в польском и европейском интересах лежит соответствующая оценка перемен, произошедших с эпохи Горбачева на территории советской империи, указание на жертвы и страдания народов СССР как в конфронтации с фашизмом, так и с режимом геноцида Сталина. Речь идет о том, чтобы анализировать прошлое не с целью столкновения государств и народов, а для обучения рациональному сосуществованию²⁸. Постоянная рокировка соседей, имеющих позади себя тоталитаризм,

²⁷ K. Zamorski, op.cit., с. 56.

²⁸ A. Wolff-Powęska, *Wspólnota ponad krzywdami*, „Rzeczpospolita” от 14–16 августа 2009 года.

литарное прошлое гитлеровской и сталинской разновидности в роли зачинщиков страданий и исторических несчастий не предоставляет возможности к взаимопониманию и действительному примирению. Еще более плачевные результаты приносят отождествление современной России со сталинским Советским Союзом²⁹ и требование от нее возмещения ущерба за причиненные страдания. Следует помнить, что «Россия тоже имеет свои Катыни»³⁰.

Оглядываясь на прошедшие две декады, приходим к выводу, что в польско-российских отношениях отсутствует рефлексия над использованием шансов на нормализацию и примирение обоих государств и народов³¹. Никто из политиков с польской стороны не отважился назвать Россию важным соседом, с которым Польша связана «стратегическими» интересами. Определением «стратегическое партнерство» злоупотребляли с переизбытком по отношению к Украине, не принимая во внимание амбивалентного отношения украинцев и патологии в ходе ее трансформации. Трудно также понять, что объединяет Польшу с Грузией или Азербайджаном, кроме недоброжелательности к России.

Утверждение польских политиков и генералов, ответственных за стратегию безопасности, что «враг стоит у ворот» и следует готовиться к войне, не вытекает из анализа действительной стратегической ситуации, но из навязчивого анти-российского настроения и рокового вовлечения во внутренние дела Украины. Краковский мудрец страха перед российской агрессией назвал мышлением в категориях психологической патологии³². Не принимаются в расчёт никакие объективные предпосылки, нет стремления к логическому мышлению, основанному на деловых аргументах, не подвергается анализу то, что скажет сама Россия. Упрощенные и односторонние объяснения звучат как категорические суждения, через которые просматривается моральная агрессия и отсутствие понимания другой стороны. По мнению многих комментаторов, достаточно назвать политику России имперской, чтобы найти объяснение всем ее международным шагам и оправдание для ее маниакальных навязчивых идей³³.

²⁹ „Настойчиво пытаемся навязать России нашу точку зрения на общую историю и требуем от России действий, какие имеют только символическое и моральное значение, а никакого практического, что ущемляет национальную гордость России”. J. Widacki, *Polityka cmentarna*, „Przegląd” от 2 августа 2009 года.

³⁰ N. Swanidze, *Rosja też ma swoje Katynie*, „Gazeta Wyborcza” от 22–23 августа 2009 года.

³¹ С. Белень, *Шансы на польско-российское примирение в свете геополитических вызовов*, в: С. Белень, А. Кшипек, Д. Карнаухов, О. Петровская (ред.), *Российско-польские отношения в зеркале геополитических концепций*, Российский институт стратегических исследований, Москва 2015, сс. 244–262; S. Bieleń, *Trudności w normalizacji stosunków polsko-rosyjskich*, в: K. Czornik, M. Łakomy, M. Stolarczyk (ред.), *Dylematy polityki zagranicznej Polski na początku XXI wieku*, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice 2014, сс. 285–300.

³² См. шире: B. Łagowski, *Polska chora na Rosję*, Fundacja Oratio Recta, Warszawa 2016.

³³ Очень нелицеприятным фактором является невежество и стопроцентная уверенность в провозглашении объективной истины. Если поляки желают строить свою идентичность, которая „не предусматривает сотрудничества с другими народами, идентичность, которая делает из них жертву,

Последние годы показывают, что польская политика по отношению к России целиком зависит от евроатлантической политики. Одновременно истерия и эмоциональность польской дипломатии в оценке процессов, происходящих на Востоке, лишили Польшу доверия как к потенциальному медиатору в украинско-российском конфликте. Очень уязвимым для польских политиков оказалось то, что сама украинская сторона не видит возможности воспользоваться услугами поляков в поисках мирных решений. Это урок смирения, из которого следует извлечь итоги, а не притворяться, что ничего не произошло.

Несмотря на упомянутое отягощение было бы полезно, если польская дипломатия не прозевала бы шанса, какой предоставляет возможность открытия новой карты диалога с Россией. На Западе уже появляются сигналы, что различные политические и экономические силы стараются предотвратить риск конфликта, из-за которого все в проигрыше. Если Польша действительно желает завоевать доверие в Восточной Европе, должна вернуться к уравновешенной политике отношений со всеми соседями. Не существует никакой исторической предопределенности, что польский подход к России должен остаться неизменяемым и крайне идеологизированным. Проблема состоит в том, что в настоящее время почти никто не заинтересован в объективной оценке России. Политики безоговорочно доверились западной интерпретации истории, особенно американской, что свидетельствует о их закомплексованности и отсутствии интеллектуального суверенитета. В этом проявляется синдром большой провинции, своими истоками уходящий в I Речь Посполитую. Ссылаясь на бывшее соперничество с соседними державами и на исторические притязания, немногие помнят, что до тех пор, пока соседние державы – Россия, Пруссия и Австрия были источником экзистенциального существования, сама Речь Посполитая представляла собой большую империю экспансивного характера³⁴. Она стала жертвой чужих имперских стремлений большей частью по собственной вине в связи с поступающей деградацией и распадом государственности³⁵. Стоило бы здесь привести тезис о «божьем игрище», каким тогда явилось польское государство, на что обратил внимание в заглавии к одной из своих книг Норманн Дейвис³⁶. В современных категориях можно здесь представить это посредством игры чужих геополитических сил, субъектом которой была и остается Польша.

Россия является на столько серьезным участником в международной игре, что невозможно держать ее в стороне или пренебрегать ею. Сотрудничество

преподносит собственный имидж как кого-то лучшего, или кому положены особые права, так как он был обижен историей, тогда это представляется вредным.” К. Dunin, *Wojna dwóch nacjonalizmów*, „Europa. Magazyn Idei Dziennika” № 274 (27/2009), от 4–5 июля 2009 года.

³⁴ M. Morys-Twarowski, *Polskie imperium. Wszystkie kraje podbite przez Rzeczpospolitą*, „Ciekawostki Historyczne.PL”, Kraków 2016.

³⁵ J. Sowa, *Fantomowe ciało króla. Peryferyjne zmagania z nowoczesną formą*, Universitas, Kraków 2011.

³⁶ N. Davies, *Boże igrysko. Historia Polski*, перевод Е. Tabakowska, Znak, Kraków 2010.

Россией нельзя бесконечно обуславливать прогрессом в ней демократических процессов, так как не могут они измениться день ото дня и не начнутся сразу же – как этого хотят ее критики – приспособливаться к западным стандартам. Я неоднократно повторял, что никто здравомыслящий не примет на себя ответственности за Восток Европы без учета российских интересов. Без участия России невозможно разрешить ни одной проблемы, постигших постсоветские государства. Чем быстрее европейские и американские политики постигнут эту зависимость, тем быстрее будет разрешен украинский конфликт.

Самым важным вызовом в польско-российских отношениях является возврат к стабильности, которая должна основываться на суверенном диагнозе интересов и психологическом умиротворении. Конфликтующие стороны должны – во-первых – изменить свое отношение к субъекту конфликта, метод предъявления претензий и взаимного восприятия. Основной вопрос касается политической воли каждой из сторон, а также влияния внешних обусловленностей. Эти последние связаны с предписанием Польше Соединенными Штатами Америки роли «засова» по отношению к России, а не катализатора сближения. Самой большой проблемой в польско-российских отношениях является столкновение собственных интересов с интересами, выдвинутыми американским протектором и союзником. Во-вторых, ограничение для нормализации в польско-российских отношениях обусловлено украинизацией польской восточной политики. Достаточно диагнозов, что политика Польши по отношению к Украине определяется влиятельными центрами, продвигающими идеи в интересах киевских олигархов. Антироссийское острие польско-украинского сотрудничества имеет целью оправдать амнезию преступлений украинских националистов, какие пытаются прикрыть в исторической памяти советскими преступлениями в то время, как существуют совершенно другие ожидания польского общества. Средний поляк не такой уж русофоб или украинофил, как представляют его СМИ и политики. Общество уже устало от примитивной антироссийской политики, эскалации военного психоза и подозрения в сотрудничестве с российской агентурой, от милитаризации публичной жизни и растущими затратами, вызванными экономическими санкциями.

В контексте конфликта на Украине стоит поразмышлять над мотивировкой военной риторики против России. Такая риторика облегчает русофобскую пропаганду, но в дальнейшей перспективе не предвещает никаких положительных политических результатов. Польша в состоянии оценить ситуацию спокойно и воздержанно. Антироссийские эмоции являются плохим советником в результативной дипломатии. Кроме того, кризис когда-нибудь закончится; такова природа кризисов, а Польша все так же останется соседом России и должна думать о своих с ней интересах, а не только о чужих, так как что бы ни говорить таковой является проблема Украины. Не повредило бы больше реализма, а меньше морализаторства. Кстати, не впервые в истории.

В этом контексте озадачивает отсутствие общественной инициативы по строительству предпосылок сближения и примирения с россиянами. Общественное мнение в этой области оказывается под внешним давлением. Во времена ПНР, например, инициативы по польско-немецкому примирению зарождались снизу, тем самым опережая шаги властей в этом направлении. А ведь было много причин (например, среди боннских элит тогдашней ФРГ кишело людьми, связанными с гитлеровским режимом), чтобы не заживленные раны эффективно блокировали открытое мышление. В настоящее время трудно понять, почему так пассивно ведет себя культурная среда, почему нет рупоров польско-российского диалога среди журналистов, писателей, а даже русоведов в вузах. Не известно, то ли из-за отсутствия отваги, то ли из-за отрицательных результатов повсеместной индоктринизации и психологического пугала. Возможно, что налицо имеет место все понемногу. Может, в этом проявляется также представленный выше синдром группового мышления. Пока мало кто задумывается над тем, как посредством взаимосближения строить основы мирного сосуществования поколений. Упорное отстаивание каждой из сторон своей версии истории и требование возмещения морального (а также материального) ущерба препятствуют прогрессу на пути нормализации и примирения.

Необходимо, прежде всего, знать цену собственному национальному интересу, а не «размахивать саблями» с целью публичного одобрения и личной сатисфакции политиков. Для строительства современного общества необходим соответствующий культурный климат. Способность к сотрудничеству с другими, к сочувствию и интерперсональной децентрации, уважение плюрализма и разнородности – это условия для инноваций и креативности. Не случайно скандинавские страны занимают первенствующие места среди современных и открытых миру стран, готовых оказывать помощь, активных в переговорных процессах. Общество, отгораживающееся от других, в открытую демонстрирующее вражду или поддающееся этнофобии, не может быть инновационным.

Несомненно, придет когда-нибудь время, когда в отношениях Польши с соседями важнее будут реальные проблемы современности и вызовы, какие перед ним появляются, чем уходящий во времени «мир призраков и умерших». Только «историческая политика», основанная на критической рефлексии, может привести к прекращению отрицательных тенденций современности, «к выходу из штопора обоснованных жалоб и претензий индивидов и обществ, которых охватила травма взаимных контактов в прошлом»³⁷. Станет ли это возможным, зависит не только от прихода нового поколения, но также от нового политического и гражданского сознания, что способны привнести новые поколения.

³⁷ K. Zamorski, *op.cit.*, с. 63.

Historical Remembrance in Polish-Russian Relations

'Politics of memory' has become a part of the array of political and ideological instruments applied in Poland, and has been accepted by mass media and by the academic circles. Its proponents remain strongly influenced by nostalgic history, connected with uprising and romantic narration. There are two coexisting but seemingly contradictory traditions – the tradition of national martyrdom and the heroic tradition. They go beyond historical remembrance, providing criteria of rightness in politics, and especially in foreign policy. National interest is defined in egoistic terms, as the necessity to fight against historical enemies, who threaten Polish independence.

In the context of Polish–Russian relations, we are facing several types of historical remembrance – on the level of the political authorities, on the level of the media, academia and education, religious communities and public opinion. Especially on the political and media level – but possibly in education – we are witnessing ongoing public stigmatisation of historical remembrance towards Russians. This means branding, stigmatising, applying negative labels, rejection or defacing the image. These activities are intentional and methodical, organised and deliberate, based on a certain policy; we can therefore claim that they are conducted with premeditation and preparation.

Keywords: historical remembrance, concepts of history, national martyrdom, Polish–Russian relations, stigmatisation, anti-Russian sentiments.